

ГЛАВА I

Молодой человек в черных одеждах сидел в широком окне небольшой башни — единственного уцелевшего каменного строения, возвышавшегося над приземистыми, больше напоминавшими выкопанные в холмах норы хижинами. Прислонившись спиной к холодному камню, он безрадостно разглядывал серое, безучастное небо, роняющее на бесплодные земли капли холодного дождя. Мужчина вытянул ладонь, ловя живительную влагу и наблюдая, как она неуверенно скользит по его коже, повинуясь легкому, едва заметному движению. Уже не первый месяц он находился в неприятном, даже не имеющем названия месте, окруженный толпой скудоумных орков, и этот факт его отнюдь не радовал. На каждую сотню его новых слуг едва ли найдется хотя бы пара имеющих в голове не жидкую кашу и умеющих более-менее пристойно изъясняться. Грустная улыбка коснулась бледных губ мужчины, и он провел ладонью по гладко выбритому лицу, словно хотел стереть это проявление эмоций, мысленно отправляя очередное проклятие в сторону Братства. Если бы не горстка жаждущих власти стариков, он бы до сих пор сутками напролет сидел в пыльных библиотеках Орсависа, а не тратил свой потенциал здесь. Но судьба распорядилась иначе, и теперь, когда несколько его наставников предали интересы Братства в пользу собственного величия, бросившись на поиски скипетра давно позабытого эльфийского короля, ему приходилось отдуваться за всех, чтобы доказать остальным свою лояльность.

Ха! Лояльность... Каким же чудовищем нужно быть, чтобы преданно служить тем, кто ни во что не ставит любое проявление жизни. Огры, тролли и дикие звери, включая самых страшных чудовищ, не идут ни в какое сравнение с существом, способным быть самым озлобленным в этом мире, — человеком. Впрочем, сюда же можно отнести и демонов, правда, лишь некоторых. Но они, по умолчанию, займут следующее место в иерархии жестокости, уступив пьедестал тем, кто подчинил себе даже смерть, — некромантам.

Шэндизар недовольно поморщился. Неприятно, когда все считают тебя гораздо худшим, чем ты есть на самом деле. Сам он предпочитал именовать себя волшебником, пусть с этим мало кто и согласится. Порою некромант размышлял, как бы сложилась его жизнь, не родился он на острове Вечного Мрака, но мысли мгновенно разбежались, и человек, грустно вздыхая, отбрасывал эту затею. Его еще мальчишкой отняли у родителей, убив их у него на глазах и забрав его в Царство Теней. Замок некромантов, где он и проводил все время за книгами, по возможности избегая общения со своими наставниками. Возможно, лишь стремление к знаниям помогло ему сохранить рассудок и не стать безжалостной тварью, подобно его сверстникам, жадно ловящим каждое слово старших. Остальные дети, чья судьба была схожа с судьбой Шэндизара, вызывали у него стойкое отвращение. Как можно было забыть отца и мать, променяв драгоценную память на темное могущество?! Но мальчику, как и остальным, приходилось внимать некромантам. Иначе детей ждала боль. Не физическая, нет, гораздо хуже. Темное пламя колдунов нестерпимо терзало саму душу, оставляя на ней страшные ожоги. Силой принуждая новообращенных учеников к вниманию и послушанию, ломая их волю и подавляя чувства, обучающие молодежь некроманты, все как один, являлись озлобленными на весь мир безумцами, вбивающими в молодых подопечных лишь ненависть и темные заклинания. По счастливому стечению обстоятельств, дар Шэндизара

полностью пробудился позже, чем у остальных, поэтому мальчика, считая слабым звеном, никогда не принимали всерьез, постоянно отправляя в библиотеку: самостоятельно набираться знаний и не мешать более способным. Только среди пыльных фолиантов он чувствовал себя комфортно, с трепетом листая потертые тома, содержавшие древние, не изувеченные чьим-то больным восприятием знания. Только там он мог верить в то, что есть и другой способ пройти по тому же пути, пути тьмы и смерти.

Все свое детство Шэндизар провел, сгорая от ненависти. Но, в отличие от всех остальных, он ненавидел не окружающих людей, считавшихся обыкновенной грязью, а себя. Проклиная собственную слабость и трусость, он годами постигал темное волшебство, не в силах противиться наставникам. Извращенная любовь к страданиям и смерти, питающая силой черные сердца колдунов, заменилась в сердце мальчика жаждой мести и холодной ненавистью, наполняя его силой, сравнимой с силой остальных учеников. Шэндизар быстро постиг искусство лжи и лицемерия, стремясь впитать в себя как можно больше знаний, стать сильнее, чем кто-либо, прекратить быть слабым. Он отличался от остальных некромантов, но в то же время был точно таким же, как они, и за это ненавидел себя еще больше.

Однажды он попытался вызвать из воспоминаний лица родителей и с ужасом осознал, что не помнит их. Именно тогда он дал себе слово. Поклялся во что бы то ни стало отомстить. Но время шло, а он по-прежнему оставался тем же, кем и был. Тем, кого ненавидел каждой частицей своей души. Одним из некромантов.

— Снова грустишь? — Теплая ладонь коснулась иссиня-черных, зачесанных назад волос некроманта, заставив его вздрогнуть.

Обернувшись, он увидел стоявшую рядом с ним девушку, чью неземную красоту сложно было описать словами.

На ее чувственные плечи была накинута легкая туника, сейчас хорошо различимая из-за разведенных в сто-

роны крыльев, таких же черных, как и ее длинные вьющиеся волосы, напоминающие некроманту темные, беззвездные ночи его вечно дождливой родины. Суккуба моргнула, и вертикальные зрачки ее прекрасных зеленых глаз сменились обычными, человеческими.

— А чем еще мне здесь заниматься, Аяно? — Слабо улыбнувшись, Шэндизар вновь вернулся к созерцанию унылого пейзажа оркских пустошей.

— Уже прочитал все свои книги? — Крылья демоницы исчезли, и она, усевшись рядом, принялась расчесывать намокшие волосы длинными когтями, словно причудливым гребнем.

— Каждую по несколько раз. — Голос некроманта выражал нестерпимую печаль, вызванную отсутствием его единственной, до недавнего времени, страсти. — А достать новых неоткуда, эти идиоты, — он кивком указал на суетившихся внизу орков, — использовали все, что нашли в руинах, в качестве растопки для костров. Будь моя воля, я бы непременно растерзал их души!

— Как насчет того, чтобы попросить книги у братьев? — Видя, как в глазах колдуна зарождается темная буря, демоница решила увести разговор в сторону.

При слове «братьев» губы некроманта плотно сжались.

— Ты знаешь, что у меня нет братьев, — зло прошипел он, скорее напоминая рассерженную змею, чем человека.

— Извини... — Аяно неуверенно заерзала под тяжелым взглядом его темных глаз.

— Никто из этих помешанных на смерти фанатиков не вправе даже называться моим другом! — не унимался колдун. Суккубе удалось задеть чаще всего бесстрастного Шэндизара за живое. — Да будут прокляты все Высшие!

— Но ты ведь тоже Высший, — осторожно напомнила некроманту Аяно о его принадлежности к высшему кругу, правящей элите колдунов, тут же пожалев об этом.

— Я помню. — Некромант бессильно сжал кулаки.

— Прости... — виновато прошептала она, опустив глаза.

— В моей слабости нет твоей вины, — смягчился Шэндизар.

— Но ты мой хозяин, и я должна поддерживать тебя, а вместо этого...

— Только твое присутствие и скрашивает мои бесконечные дни. — Он приподнял ее лицо, аккуратно придерживая за подбородок и заглядывая в манящие, бездонные океаны ее глаз. Шэндизар ранее никогда не призывал демонов, но он не смог бы занять место в круге, если бы не сделал этого. Некромант никак не мог ожидать, что демоница окажется для него родственной душой. Той, кто полностью разделяет его желания и стремления. Несомненно, она — единственное действительно хорошее, что произошло с ним за всю долгую, несмотря на кажущийся небольшим возраст, жизнь.

— Льстец. — Суккуба подарила некроманту нежную улыбку.

— И льстец тоже, — подтвердил он. — Снова гуляла, несмотря на погоду?

— Этот мир не перестает радовать меня. — Встав, Аяно бросила на далекий горизонт полный любопытства взгляд. — Мне очень хочется увидеть и другие земли.

— Боюсь, Империя не будет рада нам с тобой, — безразлично сказал суккубе некромант, горько улыбнувшись.

— Но мы же...

— Паладины и жрецы не станут слушать нас, — прервал девушку колдун, — для них мы зло; впрочем, мы и есть зло.

— Ты не такой, как остальные, — убежденно заявила Аяно, пронзив человека взглядом.

— Даже не знаю, что лучше: быть своим среди чужих или чужим среди своих... В любом случае я не стану ни тем, ни другим.

— Это делает тебя особенным.

— Но мне от этого не легче. — Некромант отошел от окна и пересек небольшую, бедно обставленную комнат-

ку, остановившись рядом с прислоненной к стене косой, скорее символом колдунов, нежели чем-то особенным. — Мой дар — мое проклятие. — Он провел пальцами по древку, и хищно изогнутая коса засветилась бледно-зеленым светом. — Если я останусь, то непременно когда-нибудь стану чудовищем, а если уйду, то скорее всего умру.

— И что же мы выберем? — Девушка подошла ближе, нежно обвив руками его шею. Ее длинные волосы защекотали щеку колдуна.

— Я не могу тянуть тебя за собой. — В тихом голосе Шэндизара послышалась грусть, и он погладил девушку по руке. — Ты...

— Пойду с тобой хоть на край света, и не важно, что будет ждать нас там, — решительно закончила за него суккуба. — Я хочу всегда быть с тобой, и если нам суждено погибнуть, то мы умрем вместе.

— Ты просто демонически романтична, — не смог сдержать кривой усмешки некромант. — Снова читала сказки на ночь?

— Сам же научил меня читать, а потом еще давал мне книги... — обиделась суккуба. — Так что ты решил?

— Не знаю. — Сев на грубо сколоченный стул, Шэндизар спрятал усталое лицо в ладонях. — Я много лет не мог решить, что мне делать, а теперь ты просишь, чтобы я определился за такое короткое время.

— Оставишь все как есть? — Аяно вновь приблизилась к хозяину, положив узкую ладонь ему на плечо.

— Нет. — Он покачал головой. — Нельзя допустить, чтобы Высшие нашли то, что ищут. Если это произойдет, то надежды на будущее уже не будет. Тот, чье имя боятся произносить даже некроманты, уничтожит этот мир, обратив его в пепел. Я видел это. — В его руках появился крохотный осколок ониксового камня. — Видел, — повторил колдун.

— Ты говорил об этом братьям... — Она осеклась, заметив, как напрягся человек. — Высшим? — поправилась суккуба.

— И не раз, в результате чего меня сослали сюда, в помощь этим бездарям. — Он зло махнул рукой в сторону окна. — Все, чего я добился, — еще большее презрение со стороны Высших и тьма упреков за то, что усомнился в могуществе Господина, чья сила так давно не дает никому покоя.

— Не волнуйся, может, ничего и не удастся найти, — попробовала успокоить некроманта Аяно, но тот лишь вновь покачал головой.

— Он здесь, — убежденно произнес Шэндизар, сжимая камень в кулаке и ощущая, как острые края вонзаются в кожу. — Я не знаю точно, где именно, но молю всех богов, хранящих этот мир, о том, чтобы их брат по-прежнему оставался там, куда они сами отправили его.

— И ничего нельзя сделать?

— Не знаю. — В словах некроманта не было и тени уверенности. — Я лишь смею надеяться, что мы, как я и думаю, действительно ищем не там, где следует. По крайней мере, я ушел от того места, где нашел этот камень, как можно дальше.

— Тебе удалось обвести Высших вокруг пальца? — не поверила ушам девушка. — Как?

— Долгая и очень неприятная история.

— Можешь не рассказывать, — поспешила сказать суккуба, но ее вид говорил о том, что ей очень интересно.

— Ты еще не знала меня, когда паладинам удалось отстоять Хагенрок. — Шэндизар не мог отказать в просьбе девушке, заменившей ему семью. — Тогда Высшие не сидели сложа руки. Они носом землю рыли, перевернули всю библиотеку вверх дном и чуть по второму разу не сошли с ума, выискивая хоть какие-нибудь свидетельства того, что еще не все потеряно. В результате им удалось узнать, что спрятанная в сломанном мече Тьма — всего лишь крупица истинной силы. Некроманты проводили чудовищные ритуалы, вызывая видения прошлого и души давно ушедших существ. Так, им стало известно о еще одном темном артефакте. Высшие возлагали огромные надежды на скипетр Кинраделлиона, хранящий час-

тицу перевозданной Тьмы. Думали, что с помощью этой частицы тени своего Господина смогут отыскать место его заточения. — Некромант потемнел лицом. — Будь проклята та зеленая скотина, которая по нелепой случайности смогла обнаружить развалины древнего храма, и тот дотошный колдун, не пожалевший времени не только выслушать, но и проверить слова орка. Если бы не они, вся эта история так бы и осталась страшной сказкой. — Он говорил абсолютно бесстрастно, и на его красивом лице не дрогнул ни один мускул, но интонации голоса заставили Аяно вздрогнуть.

— Ты говорил не об этом, — напомнила Шэндизару суккуба, и тот, недовольно покосившись на нее, продолжил:

— Дальше случился раскол. Часть Братства решила пойти иным путем. Они захотели использовать скипетр в своих целях, и большинство моих наставников оказались в числе изменников. Мне пришлось выбирать, и так я оказался среди Высших, заслужив себе место ценой крови моих ненаглядных «братьев». — Он выделил последнее слово, и кровожадная улыбка тронула его губы. — Это был первый случай, когда я применил свои знания для того, чтобы убить, и отличная возможность показать остальным, на что я способен. Благо нашлись подходящие цели...

Демоница недовольно покашляла, и замечтавшийся колдун вновь вернулся к реальности, оставив сладостные воспоминания на потом:

— Кстати, тогда я и призвал тебя. — Колдун отогнал мрачные мысли. — Если верить слухам, все, кто отправился на поиски скипетра, — потерпели поражение, а сам артефакт уничтожен паладинами. Право, жаль, что некоторым моим учителям посчастливилось сбежать после подавления мятежа. Им повезло отправиться в Бездну без моей помощи. Попадись они мне в руки, я бы...

— Шэн...

— Да-да, — отвлекся от раздумий о вожденной мес-

ти некромант, — надеюсь, слуги Света заставили их пострадать.

— Ш-э-э-эн... — повторила Аяно с уже нажимом.

Иногда девушка ощущала ауру злобы и ненависти, исходящую от ее хозяина, и от этого чувства ей хотелось бежать без оглядки. Вот и сейчас, когда черная тень начала расползаться по и без того темным глазам некроманта, служа признаком его злобы, суккуба поспешила отвлечь Шэндизара.

Некромант несколько раз глубоко вздохнул, приглушая подступившую ярость, которую с каждым годом становилось все труднее и труднее сдерживать, и, благодарно кивнув встревоженной девушке, продолжил:

— Оставшись без столь вдохновляющей идеи, Вышние готовы были уцепиться за любую ниточку и заставить орков перепахать все свои земли в поисках чего-нибудь стоящего. Я воспользовался единственным способом потянуть время и хоть как-нибудь повлиять на происходящее, решив, что лучше запутать следы, чем слепо полагаться на удачу.

— Я смотрю, ты очень горд собой, — лукаво улыбнулась суккуба, подмигивая человеку.

— Да, — нескромно кивнул Шэндизар, — и те и другие использовали бы силу для укрепления своего могущества. Это неизбежно привело бы к войне.

— Война и так идет, — возразила демоница. — Империи постоянно приходится отбиваться от непрекращающихся атак, ты же сам мне говорил.

— Если Высшие добьются своей цели, то происходящее сейчас покажется нам детской забавой. Все войны, если верить старым текстам, — следы бывшего Зла, властвовавшего на заре времен и ныне заточенного, лишенного былой силы, но все равно способного пагубно влиять на мир одной лишь своей тенью. Представляешь, что случится, если ЭТО выберется на волю?

— Но разве Братство не понимает, к чему приведут ваши... то есть их действия? — испуганно взглянула на некроманта Аяно.

— Когда кто-то начинает безудержно стремиться к могуществу, постепенно набираясь силы, он вскоре начинает верить в свои мечты, даже если они разительно отличаются от реальности. А вера, как известно, позволяет совершать невозможное и зачастую предельно безумное.

— К чему ты клонишь? — не поняла суккуба.

— Высшие жаждут лишь власти и считают, что с помощью своего Господина смогут воплотить в жизнь свои жестокие мечты, — медленно произнес Шэндизар.

— А если у него другие планы? — Аяно начала понимать мысль колдуна.

— Это их не интересует, ведь они верят, что он непременно поможет своим верным слугам, так как их интересы совпадают.

— Но это не так?

— Есть только один способ проверить... — невесело улыбнулся некромант.

— Выпустить Его?

— Именно... хотя рано или поздно Он и сам сможет выбраться.

В комнате повисло тягостное молчание, нарушаемое лишь шумом усилившегося дождя. Темные тучи, неприветливо заглядывающие в широкое окно выпуклыми свинцовыми глазами, намекали на то, что погода в ближайшее время не изменится.

В это время года в Империи падал снег, но природе в Пустошах вздумалось продемонстрировать свой характер, и она, словно обезумев, щедро поливала проклятую землю бесконечными ливнями уже не одну тысячу лет. Шэндизар радовался дождю, к которому привык с детства, так, как никогда раньше. Пока ливни неустанно омывают эту бесплодную землю, орки не могут продолжать работать в полную силу. А значит, этот мир получает очередную отсрочку и надежду. Пусть и призрачную, но все-таки надежду.

ГЛАВА II

Лорд Драуг протяжно зевнул, пытаясь устроиться поудобнее на чересчур мягком, обтянутом кожей кресле с низкими подлокотниками. Магистр ордена Зари отчаянно боролся со сном в ожидании Стефана, у которого после того, как он стал архимагом, практически не оставалось свободного времени. В полученном Фаргредом письме альбинос просил его отбросить все дела и незамедлительно прибыть в башню магии. Не успел лорд Драуг переступить порог, как услужливая молоденькая девочка в одежде ученицы Академии, кокетливо стреляя глазками, подбежала к нему и попросила подождать господина архимага в уютной, пусть и чрезмерно вычурно обставленной комнатке, где паладин и маялся от безделья до сего момента.

От нечего делать он даже пару раз выходил в коридор, но там его тут же облепляла молодежь, приставая с самыми разнообразными вопросами. Начиная от «Как лучше держать меч?» и заканчивая «А вы ведь еще не женаты?». Мысленно проклиная устои, запрещающие простым смертным находиться в Академии и вынудившие его облачиться в доспехи, чтобы все уже точно знали, что он — магистр ордена Зари, Фаргрэд коротко отвечал на расспросы будущих магов и поспешно ретировался обратно в комнату ожиданий.

Наконец, когда лорд Драуг уже готов был самостоятельно отправиться на поиски друга, тот соизволил все-таки явиться. Под красными глазами альбиноса растеклись темные круги, растрепанные белые волосы торчали во все стороны, и выглядел маг огня довольно помято.

— Рад тебя видеть. — Он с наслаждением упал в такое же кресло, на каком маялся магистр.

— И я тебя, представь себе, тоже. — Лорд Драуг улыбнулся.

— Мне бы твое веселье. — Маг устало потер переносицу и протяжно зевнул.

— Не выспался? — осведомился магистр.

— Не выспался — это когда мало спал, а я вообще не спал. — Стефан потряс головой, отчего его длинные волосы разметались по плечам. — Но, клянусь пламенем, оно того стоило! Мне удалось подобрать нужное заклинание, и теперь я готов заняться тем камнем, осколок которого ты принес. Кстати, — он прищурился, — ты ведь наверняка выбрал самый маленький?

— Это все, что осталось. — Магистр развел руками. — Остальное обратилось в пыль.

— Я так и думал. — Стефан поджал губы. — В принципе мне хватило бы и пылинки, ведь важна не форма а... — Он задумался, разглядывая резной потолок. — Природа? Или душа? Может, внутреннее состояние? Ты понимаешь, о чем я? — Красные глаза обратились к Фаргреду.

— В общих чертах, — кивнул паладин, пытаясь рассмотреть на потолке источник мыслей мага.

— Чудно. — Сухо улыбнувшись, Стефан завозился в кресле и с трудом вылез из его плотных объятий.

Фаргреду тоже пришлось приложить некоторые усилия, чтобы подняться. Смерив роскошную, но все же неудобную мебель злобным взглядом, Стефан щелкнул пальцами, и безумно дорогой предмет интерьера мгновенно вспыхнул.

— Никогда мне не нравились... — бросил он, наблюдая, как пламя жадно пожирает разваливающееся кресло. Пара мгновений — и от того осталась лишь горстка пепла. — А тебе было удобно? — вскинул белую бровь волшебник.

— Не очень, — ляпнул магистр, поздно сообразив, что именно сейчас произойдет.

Когда и второе кресло постигла безрадостная участь, Стефан, довольно улыбнувшись, заговорил вновь.

— Я кое-что узнал, — сообщил он магистру.

— Что-нибудь интересное?

— Конечно же нет, я ведь тут пустяками занимаюсь, а тебя просто позвал, чтобы мне не было скучно! — раздра-

женно передразнил паладина Стефан. — Вот, показать тебе, как умею сжигать кресла, к примеру. Прости. — Маг резко выдохнул. — Просто нужно отдохнуть, пока я не уничтожил половину Академии.

— Академию-то за что? — удивился Фаргрэд. — И почему только половину?

— Меня бесят выжившие из ума старики и бездарная молодежь! — Стефан рывком распахнул дверь, позволяя едкому дыму покинуть комнату, и быстро вышел сам, тут же столкнувшись со встретившей магистра ученицей Академии.

Девушка приоткрыла полные губки, намереваясь что-то сказать, но взглянув в глаза альбиносу, поспешно поклонилась и, сбивчиво бормоча извинения, стала пятиться по коридору в противоположную сторону.

— Они вечно путаются под ногами и задают дурацкие вопросы! Разве этого недостаточно? — недовольно покосил на юную волшебницу архимаг.

— Боюсь, что нет. — Фаргрэд проводил взглядом девочку, которая, отойдя на почтительное расстояние, поспешно развернулась и опрометью бросилась в ответвление коридора. — Так что ты узнал? — напомнил он злобно рыскающему взглядом по сторонам магу.

— Заклинание, — отрывисто бросил тот и, поманив паладина за собой, пошел в сторону витой лестницы, поднимающейся вверх. — Заклинание, открывающее суть волшебных предметов, — пояснил он.

— Но, насколько я знаю, оно же давно известно... — удивился Фаргрэд.

— Этот бессмысленный набор слов и символов, придуманный чванливыми старикашками в нелепых колпаках, вообще нельзя считать заклинанием! — рассердился Стефан. — Придуманное мною в тысячу раз точнее и стабильнее, правда, есть один недостаток... — Он недовольно поморщился.

— Какой? — Лорд Драуг настороженно взглянул на взъерошенного мага.

— Тебе ведь больше не пригодится этот камень? — как бы между делом поинтересовался маг огня, невинно улыбаясь.

— Сгорит? — без особого труда догадался Фаргрэд.

— Сгорит, — утвердительно кивнул волшебник.

— Я почему-то не удивлен, — сухо прокомментировал слова мага лорд Драуг. — У тебя почему-то все и всегда горит.

— Так можно точнее познать суть вещей, — решил отстоять свою точку зрения Стефан.

— Хорошо, что ты не стал лекарем, с такими-то взглядами, — усмехнулся магистр.

Маг скривился в очередном подобии улыбки и первым ступил на лестницу. Стоило мужчинам встать на ступени, как те сами плавно поплыли вверх, поднимая людей на вершину башни. Стефан молчал, хмуро наблюдая за молодыми магами, снующими туда-сюда на различных ярусах Академии, проплывающих мимо. Иногда кто-нибудь из учеников тоже вставал на ступени, стараясь держаться подальше от неприветливого архимага и с любопытством разглядывая магистра. Спустя непродолжительный промежуток времени альбинос легко шагнул с лестницы, плавно опустившись на зеркальный пол, и Фаргрэд последовал его примеру, чувствуя, как неведомая сила подхватывает его, не давая упасть. Убедившись, что гость благополучно следует за ним, Стефан решительным шагом продолжил свой путь, ступая по верхнему ярусу башни магии. Несмотря на то, что снаружи высочайшее здание Академии выглядело стройно и элегантно, внутренние помещения были поистине огромны, поражая своими масштабами и роскошью. На лорда Драуга открывшийся вид никакого впечатления не произвел; наверное, оттого, что он уже неоднократно посещал это место.

— Обосновался в тех же покоях, что занимал твой учитель? — спросил магистр.

— О да, один архимаг любезно согласился мне их уступить, после того как я сжег его и еще одного придурка за предательство.

— Селения мне рассказывала.
— Все-то она всем рассказывала... — озлобился маг.
— Как у вас с ней дела? — поинтересовался паладин.
— Хвала Фениксу, она уехала в Гзауберг, оставив меня в покое. У нее там какие-то дела. Девочка очень капризна, но настырна и въедлива, одна из немногих, кто по праву может называть себя магом. Возможно... ладно, вернемся к делу, — отмахнулся от каких-то своих мыслей Стефан, прикладывая открытую ладонь к лакированной двери.

Стоило пальцам альбиноса коснуться блестящей поверхности, как дверь, замерцав, пропала, будто ее никогда и не было. Альбинос остановился, пропуская паладина вперед.

— Тут ничего не изменилось, — с тоской произнес Фаргрэд, оглядывая знакомое убранство и вспоминая старого учителя Стефана.

— Я выжег все, что осталось от прежнего хозяина, вернув этим стенам былой вид, — довольно улыбнулся маг, садясь за широкий, заваленный пыльными книгами стол.

— Теперь-то ты раскроешь мне причину, по которой я должен был мчаться сюда через полгорода? — Облокотившись о дверной косяк, лорд Друг краем глаза отметил, как дверь опять появилась за его спиной.

— Мне нужна твоя помощь. — Альбинос выдвинул один из многочисленных ящичков стола и извлек оттуда хорошо знакомый магистру камень, аккуратно положив его на мягкую подушечку.

— Все, что в моих силах.

— Именно такого ответа я и ожидал, — обрадовался альбинос. — Вот твое задание: когда я прочту заклинание, просто будь здесь и никуда не уходи.

— Это все? — удивился Фаргрэд. — Я уже занимался чем-то подобным, пока ждал тебя.

— Если со мной что-нибудь случится... что очень вряд ли, то сделай что-нибудь; хотя нет, погоди до заката, а тогда и делай. — Маг на мгновение задумался. — Вот те-

перь вроде бы все. Если заскучаешь, позвони в колокольчик, и одна из бездельниц, коими заполнены эти стены, принесет тебе чего пожелаешь. Давай закончим поскорее, пока я не уснул прямо здесь; впрочем, я ведь и так усну, и все равно здесь, так что... — Он зашуршал ворохом бумаг и выудил откуда-то из середины помятый листок. Развернув его, маг поспешно пробежал глазами по тексту и, удовлетворенно кивнув, прочитал: — Аминаро кхраге н тот...

— Погоди-погоди!.. — Лорд Друг предостерегающе вскинул руку, видя, как загорелся лист бумаги.

Но альбинос, не придавая происходящему никакого значения, невозмутимо продолжал читать свое заклинание, выводя свободной рукой, оставляющей в воздухе горящий след, сложные символы. С каждым словом листок разгорался все сильнее и сильнее, и в конце концов пламя перекинулось на альбиноса.

— Нардес! — гортанно выкрикнул маг и исчез в ослепительной вспышке пламени, оставив после себя лишь горстку пепла.

— До заката, значит... да... — Недовольно поджав губы, Фаргрэд подошел к задернутому плотной шторой окну и, выглянув наружу, посмотрел на сияющее среди ясного неба солнце.

Шэндизар сел на кровати, вглядываясь в ночной мрак, растекшийся по комнате, и размышляя, что же разбудило его. В Пустошах смеркалось очень рано, и уставший общаться с пустоголовыми орками колдун решил лечь спать пораньше, но что-то разбудило его, едва он смог задремать. Прошептав короткое заклинание, помогающее видеть в темноте, он еще раз обвел комнату взглядом. Ничего. Не услышав никаких посторонних шумов, молодой мужчина взглянул на мирно спящую рядом Аяно и не смог сдержать улыбки, невольно залюбовавшись красотой девушки. Если бы им угрожала опасность, то суккуба бы сразу ее почувствовала; значит, дело в чем-то

другом. Сны? Некромант давно уже не помнил, что ему снилось, и не был до конца уверен, снится ли ему что-нибудь вообще. Возможно, Шэндизар не мог спокойно спать из-за неприятных новостей, принесенных вороном-посланником. Губы некроманта растянулись в неселой усмешке. Неприятных, ха... как только он вообще смог назвать их неприятными. Новости были просто катастрофическими для колдуна. Энергично помахав головой, чтобы избавиться от скорбных мыслей и стряхнуть остатки сна, колдун сосредоточился на происходящем.

Осторожно, стараясь не разбудить заворочавшуюся Аяно, колдун соскользнул с мягкой кровати и бесшумно подошел к окну, за которым мерцали огни орочьих костров. Глубоко вдохнув ночной воздух, свежий и прохладный из-за недавнего дождя, Шэндизар почувствовал, что начинает замерзать, но так и не увидел ничего заслуживающего внимания. Он уже собирался вернуться в теплую кровать, списав свое пробуждение на неожиданное расстройство плохими вестями, когда внутри его сознания что-то ярко вспыхнуло, пронзив голову стальной иглой боли.

Сдержав вертевшееся на языке проклятие, некромант поспешил к своей мантии, висевшей на стуле, неподалеку. Он знал, что эта боль — зов. Зов темного камня, найденного им на другой стороне оркских Пустошей. Именно в тот день Шэндизар уже чувствовал нечто подобное. Но почему камень зовет его сейчас?

Добравшись до черной мантии, колдун настороженно взглянул на демоницу, застонавшую во сне. Тонкие пальцы некроманта заскользили по мягкой ткани, безошибочно нащупав под ней искомое. С тревогой в сердце Шэндизар ощутил, что поверхность артефакта — теплая, хотя до того всегда, даже на солнце, она оставалась холодной, словно гранитная плита в старом склепе. От неприятного сравнения некромант поморщился. Он поднес пульсирующий камень к глазам, не понимая, что происходит, но не желая оставаться молчаливым наблюдате-

лем. Шэндизар решил действовать. Ранее он уже пробовал направлять на камень различные формулы, но все было безрезультатно.

— С чего бы начать? — пробормотал колдун, судорожно перебирая в памяти множество известных ему ритуалов и заклинаний.

За несколько ударов сердца Шэндизар пришел к неутешительному выводу, что не может вспомнить ни одного мощного заклятия, которое не применял бы к камню ранее.

— Может, начать с начала? — Не осталось ничего иного, кроме как проделать всю кропотливую работу заново. — Начала?! — Глаза некроманта вспыхнули, и он чуть было не ударил себя ладонью по лбу. Ну конечно! Если не действует ни одно серьезное заклинание, почему бы не попробовать что-нибудь попроще.

Недолго думая Шэндизар выбрал простейшее заклинание опознания. Скороговоркой пробормотав нужные слова, колдун почувствовал, как камень «отозвался». Слабое, едва различимое эхо отдалось в висках Шэндизара, и он более не колебался. Закрыв глаза, некромант постарался вызвать из памяти необходимую последовательность символов, составляющих слегка переделанное им в юности заклинание того же плана, что и предыдущее. Как-то он вычитал в одном обгоревшем фолианте весьма интересную формулу, многократно усиливающую эффект любого волшебства, направленного на что бы то ни было. Конечно, существовал один весьма неприятный недостаток — предмет, скорее всего, не уцелеет.

Некромант решил рискнуть.

Губы колдуна быстро зашевелились, и с каждым его словом камень становился все горячее.

Еще одна яркая вспышка затопила сознание Шэндизара, стоило ему закончить. С усилием раскрыв болевшие от перенапряжения глаза, он внимательно посмотрел вглубь камня — туда, где теперь бурлила, переливаясь, густая Тьма, внезапно бросившаяся на него.

Последнее, что почувствовал некромант, — как его засасывает внутрь темного круговорота...

Почерневшие от времени камни дышали холодом. Не один век лишь они являлись молчаливыми созерцателями пульсирующей в колючем угловатом кристалле Тьмы, заточенной в хрупкую, но неприступную тюрьму теми, кто стоял у истоков мироздания.

Время стирало горы, иссушало реки, возвращало леса, постоянно находясь в движении везде, за исключением этого места. Глубоко под землей, среди покинутых земель, куда давно уже не ступала нога ни одного живого существа, томилось в заточении Зло, однажды едва не погубившее мир. За прозрачными стенами своей темницы оно томилось в заключении, отбрасывая лишь тень своей былой мощи на все существующее. Победенное, но не сдавшееся, свергнутое, но не отрекшееся, поверженное, но живущее везде и во всем, где для него только находилось место, по крупицам восстанавливая бывшее могущество, оно выжидало. Оно жаждало момента, когда вновь сможет раскинуть свои черные крылья над миром, заслонив собой Свет. Забрать то, что принадлежало ему по праву. И оно знало: его время еще придет, и оно восстанет. Скоро, совсем скоро. С каждой каплей крови, впитавшейся в землю, с каждым предсмертным хрипом, вознесшимся к небесам, с каждой отнятой человеческой жизнью оно становилось все сильнее, почти вернув себе все, что когда-то отняли у него. Обрушив ураган своей яростной злобы на все живое, упиваясь болью и страданиями, оно вернется. Не важно, сколько пройдет времени, это не имеет никакого значения, ведь древнее Зло — вечно...

Поначалу Стефан подумал, что все-таки усталость взяла свое и он уснул. Но происходящее вовсе не походило на сон. По крайней мере, маг не припоминал случая, чтобы ему привиделось некое древнее Зло, грозящее

уничтожить все и вся. Определенно воображение сыграло с ним злую шутку.

Альбинос как раз собирался открыть глаза, когда вдруг понял, что они и так открыты. Холодок, пробежавший по спине мага огня, заставил его инстинктивно попытаться назад. Шаря отведенной назад рукой по пустоте, Стефан отходил до тех пор, пока не уперся спиной в холодные камни. Невидящим взглядом волшебник рыскал по непроглядной пустоте впереди себя, чувствуя таящуюся во тьме опасность. Здесь определенно был еще кто-то... или что-то.

На этом свете существовало очень мало вещей, способных напугать одного из немногих магов огня, оставшихся в Империи, но тому, что сейчас оказалось где-то неподалеку, это вполне удалось.

Когда альбиносу стало не хватать воздуха и его голова закружилась, а горло обожгло огнем, он понял, что не дышит.

— Успокоиться, — мысленно приказал себе маг, делая глубокий вдох.

Холодная расчетливость и самообладание стремительно возвращались к нему, отгоняя прочь спонтанный ужас, выбравшийся из сокровенных глубин его души. Стефан несколько раз глубоко вздохнул и, когда сердце перестало бешено колотиться, решил взглянуть своим страхам в лицо. Подняв правую руку на уровень груди, маг щелкнул пальцами, привычно высекая искру.

Два щелчка раздались одновременно, и альбинос встретился взглядом со стоящим совсем близко человеком, на чьей открытой ладони плясал зеленоватый огонек.

Стефан действовал моментально, реагируя на проявление темной магии единственным известным ему способом: сорвавшаяся с его левой руки огненная глыба с оглушительным ревом ударила некроманта в грудь, сбив его с ног. Не давая колдуну шанса прийти в себя, альбинос атаковал вновь, отмечая, что от первого заклинания

его противник все-таки смог защититься, что говорило о его исключительной подготовке и знаниях. Упругая струя жаркого пламени с возмущенным гулом облизывала бледно-светящуюся сферу, охватывавшую некроманта.

Сквозь рев собственных заклинаний Стефан слышал, как человек что-то говорит ему, но не желал слушать. Маг огня всем сердцем ненавидел темных колдунов, убивших его учителя, и не собирался общаться ни с одним из них. Гнев, полыхающий в его душе, придавал пламени альбиноса силу и мощь, питая мага огня лучше любых артефактов и усилений. Разрушительные заклинания одно за другим срывались с его пальцев, сотрясая своды неизвестной пещеры и с легкостью разрывая щиты, создаваемые колдуном.

Посылая в пошатывающегося врага очередной огненный шар, Стефан невольно проникся к тому профессиональным уважением. Ни один человек не смог бы выдержать такое количество магических атак, какое сейчас альбинос обрушивал на некроманта. Но тот все еще держался на ногах, и более того, умудрялся защищаться.

Одно из заклинаний мага огня, срикошетив от защиты колдуна, отлетело к потолку, разорвавшись там на сотни маленьких частиц, рассыпавшихся по пещере и на короткий миг разогнавших опутывающий ее липкой паутиной мрак.

То, что увидел Стефан, заставило его разом забыть обо всем на свете и замереть с открытым ртом, точно так же, как и его противник.

В центре округлой пещеры возвышался огромный кристалл, за колючими гранями которого непрерывно бурлила густая, непроглядная Тьма. Она вязко перетекала из одного состояния в другое, то пялясь на мужчин пустыми глазницами сотен оскаленных черепов, то превращая их в лица, искаженные гримасой боли. Рты на черных блестящих головах то и дело широко открывались в немом мученическом крике, а из темных глаз катились

кровавые слезы. Тьма демонстрировала магу и некроманту этот спектакль смерти несколько ударов сердца, а затем, плавно перетекая внутри кристалла, неожиданно открыла на своем ониксовом теле множество горящих безумием глаз, каждый из которых, казалось, заглядывал прямо в душу.

— Ты видишь то же, что и я, маг? — хрипло поинтересовался некромант. Его голос немного дрожал — колдун не успел выровнять дыхание после боя.

— Да, — глухо отозвался Стефан, не в силах оторвать взгляда от пугающей и в то же время завораживающей картины. Не мигая, пустота по-прежнему смотрела ему в глаза, и он чувствовал, как Тьма прокрадывается в самые сокровенные участки его внутреннего Я, искажая его волю и запуская свои цепкие холодные когти в подсознание так глубоко, что альбинос начал терять над собой контроль.

— Не смотри! — Тяжелая ладонь с силой хлестнула мага по щеке, возвращая в реальность и вырывая из цепких объятий ледяной Тьмы.

Первым желанием Стефана было испепелить наглого колдуна на месте, но он вдруг ощутил, что вновь способен мыслить самостоятельно.

— Оно пожрет тебя! — вновь замахнулся Шэндизар, но не нанес еще одного удара, так как маг Империи теперь смотрел на него полностью осмысленным взглядом своих странных, красных глаз.

— Только попробуй сделать так еще раз — и выжгу тебя полностью, — зло прошипел Стефан, чувствуя, как горит его щека после хлесткой пощечины.

— Прошу прощения, — неожиданно извинился некромант, опуская руку и отходя назад.

Шэндизар вдруг осознал, что перед ним стоит самый настоящий волшебник Империи, судя по силе — архимаг, не меньше. И что более важно, он пока не собирается снова атаковать, а значит, он может оказаться тем, кто так нужен Шэндизару.

— Я не ищу боя, — осторожно начал некромант. Он был полностью уверен в своем произношении и знании наречия жителей Империи, но все равно решил говорить медленно.

— Зато я ищу. — На ладонях альбиноса заплясало неровное пламя.

— Подожди! — Шэндизару показалось, что волшебник вот-вот атакует. — Я хочу поговорить с тобой!

— Здесь наши желания не совпадают, колдун. — Маг огня вскинул руки, готовясь обрушить всю свою мощь на заклятого врага, но в последний момент пламя с негодующим шипением исчезло с его пальцев. — У тебя очень мало времени. — Стефан с интересом посмотрел на раскинувшего руки в стороны некроманта, мгновение назад собиравшегося умереть от его пламени. Любознательность в альбиносе победила гнев, к тому же, как бы он ни ненавидел колдунов, но этот только что спас ему жизнь, а теперь готов был рискнуть собой ради простого разговора. Что же он так хочет сказать? Заинтригованный архимаг опустил руки, впрочем оставаясь настороже.

— Ты выслушаешь меня? — Шэндизару понадобилось время, чтобы понять, что он до сих пор не горит.

— Только благодаря тому, что ты мне очень помог, оторвав от созерцания этого, — нехотя произнес волшебник, кивнув в сторону кристалла, Тьма в котором гневно бурлила, скалясь из-за стенок своей тюрьмы тысячами клыкастых пастей. — И конечно же из-за твоего исключительного внешнего вида. — Стефан позволил себе сухую улыбку. — Признаюсь честно, первый раз я вижу некроманта в исподнем, к тому же мне всегда нравился сиреневый цвет.

— Прошу меня простить... — смутился Шэндизар. Он и думать забыл, что перенесся из спальни, не успев даже накинуть мантию. — Когда я читал заклинание, то и не думал, что окажусь в... подобном месте, да еще и в компании.

— Что за заклинание? — сразу же насторожился маг.

— Заклинание, основанное на чарах опознания. — Некромант медленно, чтобы не спровоцировать альбиноса, вытянул руку вперед, но на его открытой ладони лежала лишь горстка пепла.

— Ты вновь удивил меня, колдун. — На этот раз улыбка Стефана была неподдельной. — Не знал, что кто-то из ваших понимает в магии огня до такой степени, что способен самостоятельно изменять чары. — Дай догадаюсь... — Он жестом попросил открывшего рот колдуна помолчать. — Черный, блестящий камень?

— Значит, и ты...

— Значит, и я, — кивнул Стефан. — Так о чем это ты *до смерти*, — волшебник выделил эти слова, — хотел со мной поговорить?

В голове некроманта вихрем пронеслось множество мыслей, но он жадно ухватился лишь за одну. Неизвестно, сколько терпения у альбиноса, так как маги огня никогда не славились этой добродетелью. Значит, времени ходить вокруг да около у Шэндизара просто нет. Он глубоко вдохнул и повторил магу то, что ему вчера вечером сказал ворон-посланник.

— Древнее Зло, запечатанное здесь, — скоро пробудится! Союзные войска орков собираются атаковать восточные границы Империи, и совет Высших принял решение поддержать их, чтобы пролитая кровь даровала Злу утерянную когда-то мощь! — на одном дыхании выпалил он.

Мгновение ничего не происходило, а затем зал пещеры заполнило ревущее пламя.

ГЛАВА III

Первым, что, а точнее — кого увидел Стефан, оказался лорд Фаргрэд Драуг, удобно раскинувшийся в кресле и с крайне скужающим видом листающий один из множест-

ва магических фолиантов, коими щедро были набиты все шкафы в покоях мага.

— С возвращением. — Магистр захлопнул книгу, подняв в воздух небольшое облачко пыли.

Альбинос хмуро кивнул, бросив взгляд на приоткрытое окно, куда уже робко заглядывал тонкий желтый месяц.

— Ты припозднился, — проследив взгляд мага, сказал Фаргред.

— Смотрю, ты не очень-то переживал... — язвительно заметил Стефан, тяжело поднимаясь с резного кресла. Он задумчиво взглянул на магистра и звонко щелкнул пальцами.

Спустя пару мгновений в дверь тихонько постучали, и на пороге появилась заспанная девочка, кутающаяся в мантию старшей ученицы.

— Чего изволите, господин? — отчаянно стараясь подавить зевоту, вежливо спросила она, прикрывая рот ладошкой.

— Вина, — бросил ей альбинос, и девочка, поклонившись, исчезла за закрывшейся дверью.

— Все так плохо?

— Это зависит от того, с какой стороны посмотреть, магистр, — неопределенно отозвался маг.

— Давай посмотрим с моей.

— Это вряд ли, ни один нормальный человек не знает, что творится у тебя в голове, поэтому я затрудняюсь делать подобные выводы, — пробормотал альбинос, меряя свои покои широкими шагами.

— Хм, тогда как к этому отнесется Ульв и остальные светлые боги? — не отступал Фаргред.

— Мелко не плаваешь, да? — Улыбка мага вышла вымученной. Он тяжело вздохнул и, вновь опустившись в кресло, сплел пальцы, поставив локти на столешницу. Красные глаза не мигая уставились на магистра.

— На тебя не угодишь, Стефан. — Лорд Друг выдержал взгляд. — Если и это предложение тебе не по нраву, то давай возьмем за основу нашего Императора.

— Вообще-то вариант с богами меня вполне устроил... — Что-то в тоне мага огня не понравилось Фаргреду, но он промолчал.

В дверь осторожно постучали, и на пороге появилась все та же девочка, правда, теперь она была аккуратно причесана, а на ее мантии не оказалось ни одной лишней складочки.

— Ваше вино. — Она подошла к столу, поставив на него округлый поднос с причудливой глиняной бутылкой и двумя высокими стаканами. — Что-нибудь еще? — Девушка вежливо улыбнулась.

— Нет, Литиция, ты свободна. — Альбинос жестом показал молодой волшебнице, что та может идти.

Девушка склонила хорошенькую головку и уже собиралась удалиться, чтобы вновь лечь спать, когда Стефан окликнул ее:

— Спасибо за вино и извини, что разбудил.

Под изумленными взглядами девушки и магистра альбинос невозмутимо откупорил бутылку, разлив ароматный напиток по бокалам.

Литиция несколько раз хлопнула пышными ресницами и неуверенно произнесла:

— Мастер?..

— Все в порядке, можешь идти, — успокоил ее архимаг, и девушка, еще раз поклонившись, вышла, до сих пор не в состоянии поверить, что удостоилась внезапной вежливости от самого неуравновешенного мага Империи.

— Что-то подсказывает мне, что новости — хуже некуда, — дождавшись, когда дверь плотно закроется, произнес магистр.

— Помнишь, ты говорил о богах? — Альбинос встал и, подойдя к окну, пригубил вина.

— Я вроде не жалею о памяти. — Лорд Драуг последовал примеру друга. Напиток оказался отменным. В меру сладким и терпким, с чудесным ароматом: как раз то, что любил Фаргрэд.

— Ульв будет расстроен, а вот Торфел, наоборот, порадуетя.

— Война... — Магистру не составило труда догадаться, о чем говорит маг.

— Война, — подтвердил альбинос, вновь поднося к губам бокал.

— В таком случае не утруждай себя рассказом, друг. — Лорд Драуг залпом допил вино. — Ни к чему повторять все два раза.

— Поспать мне сегодня не дадут? — с грустью осведомился волшебник.

— Ты и сам знаешь ответ на свой вопрос, Стефан, — не стал зря обнадеживать мага огня Фаргрэд. — Если все настолько серьезно, что такой человек, как ты, снизошел до вежливости, то Император просто обязан узнать обо всем первым.

— Веди. — Обреченно вздохнув, альбинос расправился с вином и, пропустив магистра вперед, покинул свои покои, прихватив едва початую бутылку с собой.

В Академии магии жизнь кипела даже ночью. Неустанно снующие взад-вперед люди в одеждах учеников и магов останавливались, почтительно приветствуя альбиноса и магистра, после чего вновь уносились прочь, спеша по каким-то своим неотложным делам.

Покинув белоснежные стены башни, мягко сверкающие в ночи, отгоняя сгущающийся мрак, Фаргрэд и Стефан поспешили к конюшням. Гром, радостно всхрапнув, ткнулся носом в плечо хозяина, оставившего его на столь длительный срок. Потрепав животное по мощной шее, магистр запрыгнул в седло и выжидающе взглянул на мага, топтавшегося у входа.

— В чем дело? — Лорд Драуг вскинул бровь.

— Здесь столько этих животных... — Маг озадаченно переводил взгляд с одной лошади на другую. — И все они такие одинаковые... — недовольно пробубнил он, разглядывая длинные ряды стойл, тянущиеся вдоль стен.

— И что? — не понял магистр. — Какое это имеет отношение к делу?

— Да в принципе — никакого. — Пожав плечами, альбинос направился к ближайшему животному. — Думаю, никто особо не обидится, если я позаимствую его лошадь ради блага Империи.

— А как насчет того, чтобы взять свою?

— Если бы я еще знал, какая из них моя... — неуверенно протянул маг, недоверчиво разглядывая косившуюся на него карим глазом кобылку.

— Стефан, порою ты поражаешь меня... — Магистр покачал головой. — Как можно держать в голове огромное множество формул, ритуалов, заклинаний и обрядов, но не запомнить внешний вид своей единственной лошади?

— У нее четыре ноги, грива и хвост, еще она может отвезти меня в нужное место — и это все, что мне следует про нее знать. — Наконец решившись, Стефан запрыгнул в седло. — Вроде как моя, а вроде и нет... — Он взглянул на повернувшее к нему голову животное, словно ожидая, что оно подтвердит или опровергнет его слова.

— Доброй ночи, господа! — Бородатый мужчина заглянул в открытые ворота. — Мастер Стефан... — Судя по внешнему виду, говоривший был конюхом, так как они единственные на территории обитатели магов носили обычную, удобную для работы одежду. — У вас какие-то дела?

— Дела, — важно кивнул альбинос, даже не пытаясь вспомнить имени заговорившего с ним.

— Лошадка-то вас заждалась уже. — Конюх подошел поближе и ласково погладил животное. — Истосковалась по хозяину. Но, как видите, я ее в чистоте и удобстве содержал, так что унесет вас, куда пожелаете.

— Благодарю. — Стефан испытующе смотрел конюху в глаза. — Теперь мы можем ехать?

— Да-да, простите, я же не из любопытства, я по делу... — затараторил мужчина и поспешно поклонился. — Вы сегодня возвратитесь или нет? Чтобы потом я

сразу лошадку вычистил да овса с водичкой дал... к тому же архимаги...

— Я надеюсь вернуться к утру. — Альбинос с трудом пытался держать себя в руках, обозленный тем, что какой-то мужик смеет допрашивать его. Попытка вышла достойной, но, увы, не увенчалась успехом. — Если у вас, *многоуважаемый*, больше нет ко мне никаких вопросов, то я настойчиво попросил бы вас убраться с дороги, иначе я очень расстроюсь, и все, что от вас останется — крохотная горстка пепла, такая же ничтожная, как вся твоя жизнь, кою я с превеликим удовольствием завершу здесь и сейчас! — Лошадь под альбиносом беспокойно заржала, а несчастный конюх побледнел так, что снег, лежавший на земле, выглядел серым по сравнению с его лицом.

— Мы очень спешим. — Фаргрэд бросил на потерявшего дар речи мужчину многозначительный взгляд.

— Не губите! — Конюх бухнулся на колени перед магом и залепетал что-то невнятное.

— Сгинь! — едва не задыхаясь от нахлынувшего гнева, прорычал Стефан.

Магов огня неспроста можно было пересчитать по пальцам одной руки. Так же, как они подчиняли себе стихию, она меняла и их самих. Человек, совладавший с такой непостоянной и жестокой стихией, как огонь, сам уподоблялся безжалостному, неконтролируемому пламени, готовому вспыхнуть в любое мгновение, уничтожая все вставшее на его пути. Многие маги огня были выжжены изнутри собственной же магией, не сумев справиться со своим гневом, однако Стефан являлся исключением. Ему удалось не подчинить пламя, а сродниться с ним, стать единым целым, чего до него не смог добиться ни один волшебник. Возможно, немаловажную роль в этом сыграла врожденная ненависть и презрение альбиноса практически ко всем окружавшим его людям, особенно если он их не знал. Вызвано это было бесконечными издевательствами над ним из-за его облика. Несмотря на то что все это осталось в прошлом и теперь смеяться

над магом мог лишь умалишенный, характер альбиноса не претерпел никаких изменений. Исключение составляли лишь немногочисленные друзья, ради которых маг готов был на все, или же личности, искушенные в единственной страсти альбиноса — магии. Остальные же предпочитали держаться от неуравновешенного волшебника подальше.

— Я сказал — ПРОЧЬ! — взвыл Стефан, с трудом сдерживая рвущийся из тела жар.

Все лошади в стойлах испуганно заржали, почувствовав волну необузданной магии.

На свое счастье, конюх был не из тех, кого приходилось просить несколько раз или же долго уговаривать. Он мигом вскочил и опрометью бросился к выходу, даже не оборачиваясь.

— И вам доброй ночи, милейший. — Проводив взглядом улепетывающего мужчину, Фаргрэд посмотрел на тяжело дышавшего альбиноса. — Тебе стоит меньше нервничать, приятель, и разрядить гнев. Может, сожжешь что-нибудь?

— Как только представится подходящий случай — непременно. — Альбинос выровнял дыхание. В неизвестной пещере он потратил много сил, и теперь его голова слегка кружилась. — Жажду пламени к разрушению порой очень нелегко сдержать. Давай поскорее отправимся во дворец, пока еще какой-нибудь разговорчивый умник не пристал к нам с идиотскими вопросами. Иначе, клянусь Фениксом, я обращу его в пепел в то же мгновение, как только он раскроет рот!

— Надеюсь, нашему Императору нечего опасаться? — притворно обеспокоился магистр.

— Он твой друг, а друзья моих друзей — мои друзья, если они, конечно, не идиоты.

Лорд Драуг ожидал от альбиноса примерно такого ответа, но все равно не смог сдержать улыбки:

— Только поэтому?

— Да, — не задумываясь ответил Стефан.